

О работе Палеонтологического института Академии наук за 1937 год

Акад. А. А. Борисяк

Палеонтологический институт Академии наук основан в 1930 г. (в то время он носил название Палеозоологического, о чем ниже) на базе части палеонтологических материалов и работ Геологического музея Академии¹. Создание особого палеонтологического института, ставящего себе задачей разработку основной проблематики этой дисциплины, т. е. вопросов филогении, вопросов эволюции органического мира, было вызвано потребностью более углубленного обслуживания палеонтологическими исследованиями широко развивавшихся у нас геологических исследований: современный геолог не довольствуется списками форм, определяющих возраст пласта; он знает, что ископаемая фауна может дать гораздо больше: осветить и фациальные, и палеоэкологические, и палеогеографические вопросы и тем дать ему важный, нередко решающий материал для его прогнозов.

В нашем крупнейшем геологическом учреждении, Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте ГГУ (ЦНИГРИ), для обработки собираемых при полевых исследованиях палеонтологических материалов в 1920—1921 гг. была создана палеонтологическая секция; работа секции в силу только что сказанного требовала постановки ряда биологических тем, для которых не было места в отраслевом Геологическом институте. Секция ЦНИГРИ была, таким образом, заинтересована в создании для этой цели особого палеонтологического института при Академии наук. Вот почему организатор этой секции в ЦНИГРИ, в течение десяти лет руководивший ее работой, взял на себя инициативу создания и упомянутого института Академии; так как первоначально речь шла только о работах на ископаемых остатках животных, институт получил название Палеозоологического.

При выделении Палеозоологического института к нему перешли ведшиеся Академией крупные работы по изучению местонахождений позвоночных. В напечатанной записке, мотивировавшей создание Института, указывалось на необходимость, согласно с изложенным выше, широкого развертывания работ и по беспозвоночным, но в Ленинграде этого не удалось сделать. Позднее Институт был слит с Институтом эволюционной

¹ Палеонтологические объекты собирались уже Кунсткамерой Петра, давшей начало позднейшим музеям Академии, которые, по существу, были ее научными институтами. Это старинное название сохранялось до последнего времени, и лишь в 1930 г., при реорганизации Академии, была проведена более рациональная расстановка ее научных учреждений и введена более современная номенклатура (музеи были переименованы в институты).

морфологии акад. Северцева и в таком виде переехал в Москву. Лишь в Москве, при новой реорганизации академических учреждений, Палеозоологическому институту удалось встать на намеченные выше рельсы; при этом он ставил себе задачей организовать также работы и по ископаемым растениям и потому получил более общее название — Палеонтологического института.

Указанная реорганизация проходила через различные инстанции академического аппарата в течение всего 1936 года, в конце которого окончательно была оформлена. В 1937 год Палеонтологический институт вступил, имея задачей всестороннюю разработку основной проблематики палеонтологии как биологической дисциплины и в том числе разработку вопросов биостратиграфии в целях возможно более полного и глубокого обслуживания геологических работ. Овладев этой задачей, Институт, несомненно, займет подобающую институту Академии наук роль ведущего палеонтологического учреждения в Союзе. Но это — дело не одного года. Во всяком случае, за истекший год работы в Москве он подвинулся к этой цели гораздо ближе.

Намеченные проблемы затрагиваются в большей или меньшей мере всеми работами Института, и потому достижения его удобнее рассматривать по систематическим группам.

Попрежнему играют крупную роль в его тематике работы по наземным позвоночным — пермским, третичным и четвертичным. Ежегодные экспедиции Института доставляют значительный материал, который едва под силу обработать небольшому штату специалистов в этой области, а между тем разработкой охвачена лишь часть известных местонахождений. Многие неразрабатываемые местонахождения гибнут (осыпаются в крутых берегах рек или оврагов). Обработка имеет задачей восстановление филогенетических отношений, т. е. отношений описываемой формы к ближайшим известным родственным ей, — другими словами, установление ее места в общем родословном древе. В отдельных случаях удается осветить генетические отношения более или менее обширных групп. Однако крупных теоретических (филогенетических) работ по позвоночным пока мы не имеем: наши работы не так давно начались и дали еще не так много хорошо проработанного материала; старые же литературные данные — как это хорошо известно всякому палеонтологу, работавшему в этой области — почти всегда требуют основательной переработки, часто обработки объектов заново: ведь обобщающие работы только тогда имеют значение, если они построены на материале, освещенном одинаково глубоко и детально.

По пермским четвероногим в отчетном году написано пять работ. В них описываются частью впервые найденные в СССР, частью вообще неизвестные до сих пор уникальные формы рептилий и амфибий, нередко по-новому освещающие вопросы филогенеза этих групп. Особенно много новых интересных данных получено при изучении дейноцефалов из медистых песчаников Приуралья и эотриасовых отложений Поволжья.

Наряду с большим теоретическим значением работы по низшим позвоночным представляют значительный интерес для стратиграфии континентальных отложений перми и триаса, столь широко развитых на всей территории Союза. Изученный материал дал возможность предложить схему стратиграфического подразделения этих отложений на ряд фаунистически охарактеризованных зон. Эта схема — в связи с собиравшимся минувшим летом в Москве Международным геологическим конгрессом, одной из тем которого была пермская система — изложена в статье «О подразделении континентальных отложений перми и триаса СССР по фауне наземных

позвоночных». Так же в связи с конгрессом были составлены сводки по пермским и третичным местонахождениям; в них даются характеристики и степень изученности каждого местонахождения. Эти сводки не только облегчают ориентировку в будущих исследованиях, но и выявляют стратиграфическое значение наших работ по позвоночным.

По млекопитающим исполнены следующие работы: по третичным хищникам из знаменитого Павлодарского местонахождения на Иртыше, по гигантским носорогам-индрикотериям (новый материал из олигоцена берегов Аральского моря позволил построить филогенетические отношения всей этой замечательной группы животных), по своеобразному четвертичному носорогу-эласмотерию, скелет которого впервые освещен в литературе.

Кроме наземных позвоночных велись также работы по рыбам — древним девонским панцирным рыбам, изучение которых приобрело такой живой интерес после замечательных исследований шведского ученого Стеншио, весьма детально восстановившего строение этих древнейших позвоночных и выяснившего их филогенетическое положение. Наши материалы так же обильны и так же хорошо сохранились, как и материалы, полученные из других северных стран (где развит древний красный песчаник, в котором эти материалы встречаются), и обещают дать немало интересного. Кроме девонских рыб исследуются юрские палеонисциды, давшие (благодаря их прекрасному сохранению) много нового для выяснения морфологии и филогении этих рыб.

Работы по беспозвоночным, как сказано, впервые начали надлежащим образом разворачиваться в Москве с 1936 года. Из тех работ, которые велись и в Ленинграде, надо прежде всего отметить исследования по ископаемому насекомому. Наш Союз по богатству местонахождений ископаемых насекомых занимает одно из первых мест в мире. Одна из заслуг Института — выявление этих местонахождений и их разработка.

Кроме ряда исследований над отдельными группами пермских и юрских насекомых истекший год ознаменовался появлением первой части капитального труда проф. А. В. Мартынова — «Геологическая история и эволюция отрядов насекомых», — подводящего итоги многолетних исследований. Теоретическое и практическое (для стратиграфии) значение названного труда, разрешающего по-новому вопросы филогении рассматриваемых отрядов насекомых, нельзя переоценить. Эта работа, законченная к 20-й годовщине Октябрьской революции, была премирована президиумом Академии наук.

Из Ленинграда же перешли работы по иглокожим — одной из интереснейших групп, так как почти вся ее история, как и история позвоночных, относится к доступному нашему изучению периоду истории жизни (от кембрия и доныне) и скелет их так же хорошо выражает строение животного (остальные типы беспозвоночных в кембрии уже высоко дифференцированы). По типу иглокожих в Институте велись две темы: по древнейшим (силурийским) его представителям и по морским звездам. Обе темы имеют крупное теоретическое значение. Работа по силурийским иглокожим закончена; она дает возможность ввести существенные изменения в систематику этого типа животных, создает новые классы и меняет диагнозы некоторых известных ранее классов.

Затем следуют работы по беспозвоночным, впервые поставленные в Институте в Москве. Прежде всего идут две важные группы: брахиоподы и кораллы. Благодаря обширным коллекциям из Подмосковского каменноугольного бассейна и из девонских и каменноугольных отложений Тимана и Урала, ныне сосредоточенным в Институте, ведущиеся работы приобретают значение не только для морфологии и филогении этих групп (в особен-